

Когда пролетарии плачут

Заметки писателя

Евгений Попов

Публикация заметок «Когда пролетарии плачут» была начата в прошлом номере. Автор благодарит московский центр правовой поддержки «Справедливость» за содействие в создании

этих текстов. Полностью они будут напечатаны в сборнике «Неравенство перед законом. 60 подлинных историй», созданном коллективом журналистов и намеченном к выпуску издательством «Изограф».

Революция закончена. Забудьте!

«В каретах будете кататься...»

Жила-была «Скорая помощь» в Саратове, устроенная следующим образом: врачи (Муниципальное медицинское учреждение «Городская станция скорой медицинской помощи») существовали отдельно, шоферы (Муниципальное медицинское учреждение «Автохозяйство скорой медицинской помощи») — тоже отдельно. В феврале 2003 года их, «во исполнение постановления мэра г. Саратова», решили реорганизовать путем слияния.

Идея, надо сказать, была в общем-то здравая: ну как же можно действовать порознь в таком важном деле, как спасение населения от экстренных хворей? Тем более, что и у шоферов была вечная нехватка — запчастей, резины и т. д., и у врачей — лекарств, оборудования и т. д. тоже.

Получали и те, и другие, как и многие бюджетники нашей щедрой родины, сущие гроши с точки зрения мало-мальски окрепшего бизнесмена, которому, пожалуй, могло бы и не хватить их нищенской ежемесячной суммы на скромный ужин со свечами под звуки песен Кати Лель или группы «Лесоповал». Врачи в среднем — 4300 рублей, водители — 4817 рублей, фельдшеры вообще 2784 рубля.

Ну, реорганизация да и реорганизация, у нас в стране последнее столетие, начиная с Октябрьского переворота (революции), только и знают, что всё реорганизуют, — сначала туда, потом обратно, и население к этому практически привыкло и не возникает, зная, что государство его в любом случае хоть как-нибудь да обязательно наколет; главное, чтоб до дна не обчистили, чтоб не было, как говорится, мучительно больно.

Вот и шоферы некоторое время после реорганизации жили тихо. Ведь им главный врач «скорой», кандидат медицинских наук, доцент Игорь Валентинович Архипов, 1950 г. р., доходчиво, с цифрами в руках, объяснил, что получать они будут примерно столько же, а вернее, даже наоборот, больше, потому что зарплату бюджетникам тогда как раз увеличили на 33 процента. «В каретах будете кататься», — непременно добавил бы в этом случае один из персонажей булгаковского «Театрального романа». И что если они раньше получали в своем автохозяйстве 70 процентов премии, то теперь будут получать те же 70 процентов, но уже не премии, а за «сложность и напряженность» в работе. Кроме того, у шоферов существовала 25-процентная надбавка за ненормированный рабочий день. И хотя суммы, которые

им стали выдавать в новой кассе, постепенно становились какими-то странными, рабочий класс если и роптал, то поначалу глухо, под стук костяшек домино в комнате отдыха. Но тут появилась Абубакирова.

Роковая красавица Абубакирова

Айгюль Тимуровна Абубакирова, пышная незамужняя красавица двадцати шести (на сегодняшний день) лет, была принята в это объединенное ММУ ГССМП 6 мая 2003 года на должность экономиста и тут же сделала головокружительную карьеру, ибо уже 29 мая была назначена заместителем главного врача по экономическим вопросам. Что ж, очевидно, глянула с начальству эта выпускница Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова, получившая дополнительное образование по бухгалтерскому учету с присвоением квалификации «Бухгалтер» в странном «Саратовском региональном центре переподготовки офицеров запаса». Может, потому, что хорошо зарекомендовала себя на предыдущих работах (ООО «Сатон-С», главный бухгалтер; ООО «Пари Групп Саратов», секретарь-референт). Или по причине того, что замы по экономике менялись на этой «скорой», как перчатки на балу. Или...или по какой-то другой, скрытой от глаз причине, на что намекала, беседуя со мной, сама Гуля, как ласково именовали ее в коллективе перед тем, как разгорелся весь этот локальный сырбор с увольнениями, восстановлениями, жалобами, исками, судами, драками и скандалами.

Как она писала в одной из жалоб, «по истечении некоторого времени по непонятным мне причинам ко мне появилось предвзятое отношение и придирки со стороны главного врача», а уже 29 сентября Абубакирова, получая зарплату, вдруг обнаружила, что лишена положенной 150-процентной надбавки. После чего и открыла глаза рабочему люду, что его хитро обманывают, не доплачивают, ибо 70 процентов «за сложность» — это меньше, чем их прежняя премия, а 25 процентов за ненормированный рабочий день им теперь вообще не светят.

Рабочие зашевелились. Гулю продолжали «прессовать» рапортами, приказами, выговорами, и здесь на сцену вышел сторонник «легальной протестной борьбы» правозащитник Григорий Викторович Ахтырко из общественной приемной Саратовского общественного Комитета социаль-

но-экономических реформ, куда обратилась Айгюль Тимуровна, надеясь, что эта известная в городе правозащитная организация, существующая с 1992 года, ей поможет.

Три товарища идут ва-банк

Григорий Ахтырко, сорока шести лет, которого одна из местных газет назвала «провокатором-журналистом», закончил филфак Саратовского университета, был в начале 90-х депутатом Саратовского областного совета, сопредседателем местной фракции «Демократической России», политэкспертом, спичрайтером, имиджмейкером, в 2000 году выставлял свою кандидатуру на должность губернатора Саратовской области.

На этапах этого большого пути скрупулезно изучил российские законы, что, по его мнению, должны сделать все граждане России, желающие выжить в нынешней, как всегда сложной, обстановке. Уверенно выступает в судах, помогая гражданам, постоянно обращающимся в правозащитную приемную Комитета. Айгюль Тимуровне помогал и помогает, а также тем самым трем шоферам, которым Гуля, сама уже полностью погрузившаяся в конфликт, открыла прошлой осенью глаза на окружающую их неприглядную действительность.

Шоферы первого класса Сергей Анатольевич Горбач (1964 г. р., стаж на «скорой» двадцать лет), Юрий Васильевич Дружинин, 1951 г. р., и Сергей Павлович Пушкин, 1945 г. р., вдохновленные информацией, полученной от Абубакировой, стали бороться за свои права и требовать от начальства денежных компенсаций. Принялись жаловаться в вышестоящие инстанции вплоть до канцелярии Аяцкова, ведомства Починка и Администрации Президента, создали денежный фонд для материального обеспечения этой борьбы. Начальство же в ответ перевело их с исправных машин на раздолбанные — раз, изменило 24-часовой, чрезвычайно удобный для водителей график (сутки работать, трое — отдыхать), на 12-часовой — два, осыпало троицу выговорами, инициировало уголовное дело на лидера бунтующих рабочих Сергея Горбача, обвинив его в краже государственного бензина. Несогласные, они, как и подобает гражданам правового государства, подали на администрацию родного предприятия в суд, который и состоялся 1 апреля 2004 года, в международный День дурака.

Суд этот был рабочими проигран, в их стане начались разброд и шатания, хотя с начала года все складывалось явно в их пользу. Как говорил мне Сергей Горбач, еще 130 их коллег написали иски, но придерживали их, ожидая, чем дело кончится у первой троицы отважных. Родной профсоюз работников здравоохранения выступил на стороне работодателя, и рабочие планировали создать у себя ячейку независимого профсоюза «Солидарность», куда, по уверениям того же Горбача, уже готовы были вступить даже некоторые врачи и фельдшеры, которые в этой борьбе заняли нейтральную позицию и сочувствовали борцам лишь кулуарно. Шоферов подержали председатель областного комитета по социальной политике Алексей Евгеньевич Полещиков и депутат городской думы Виктор Константинович Марков. О скандале, что ни день, писали саратовские газеты. На предприятии создалась революционная ситуация, апофеозом которой дол-

жен был стать митинг у ворот «скорой помощи», который сначала приурочили аккурат к президентским выборам 14 марта, а потом перенесли на 26 марта, чтобы в канун выборов не создавать общественную дестабилизацию.

Мнения разделились

По мнению рабочих, это и стало роковым обстоятельством, предопределившим их поражение. За две неполных недели администрация провела адекватную гигантскую работу с коллективом. Были приведены в порядок приказы и постановления, подписаны индивидуальные трудовые договоры, все стало шито-крыто и якобы по закону.

С такой трактовкой событий решительно не согласен главный врач «скорой» Игорь Архипов, который, как он говорит, « всю жизнь простоял в операционной», а тут внезапно угодил в самый центр скандала. По его словам, все случившееся — это реакция разгильдяев, ничтожной доли всех здравомыслящих рабочих на элементарное наведение порядка в коллективе, где «хвост вилял собакой» и водители иногда даже отказывались ехать на вызовы, капризничали, не выполняли свои элементарные обязанности. Нушались, например, даже поднести носилки с больным. А что касается денег, то водители стали получать больше, а не меньше. Вот, пожалуйста, статистика, убедительно об этом свидетельствующая. Горбач получил в октябре 2002 года 5332 рублей 57 копеек, в октябре 2003 года — 5888 рублей 59 копеек, а подписи двух других бунтарей стоят под решением согласительной комиссии от 5 июля 2003 года. И конечно же бред все эти рассказы Абубакировой, что ее 21 января побили на рабочем месте верные «личарды» главврача: кадровичка Нина Владимировна Межиковская, главбух Ольга Николаевна Степанова, председатель профкома Лидия Ивановна Шиндина и юрисконсульт Елена Николаевна Попенкова. Да еще якобы и обругали грубо, унизив при этом ее человеческое и национальное достоинство.

Третий звонок

— Мы просто хотели, чтобы она объяснила нам причины своего демонстративного отказа явиться в Горздрав, куда ее вызвали. Для этого и спустились к ней в кабинет, принялись составлять акт о том, что она отказывается давать объяснения, но тут она стала названивать по телефону и вести в рабочее время частный разговор, — чисто и светло глядя на меня, объясняла юрисконсульт Елена Попенкова.

Но вот длинная цитата из объяснения заместителя главного врача по кадрам Нины Межиковской:

«Мы потребовали, чтобы она прекратила частный разговор и начала уважать присутствующих в кабинете. На что она не реагировала, и я была вынуждена взять у нее трубку и прервать ее телефонный разговор. Через минуту раздался звонок, и она начала вновь разговор, на что главный бухгалтер сделала ей замечание и тоже прервала ее разговор по телефону, нажав на рычаг. Раздался третий звонок, рядом сидевшая Попенкова Е. Н. трубку телефона сняла и положила тут же на рычаг. Никто из нас телесных повреждений Абубакировой А. Т. не наносил, не угрожал, не оскорблял».

Дополнительный свет на эту удивительную, но темную картину вежливого изъятия телефон-

ной трубки из рук человека, который эту трубку отдавать явно не хочет, проливает то, что говорила по телефону Абубакирова вовсе не с подружкой или ухажером, а со своим представителем «во всех судебных и административных органах и других организациях» Григорием Ахтырко. Он и вызвал милицию, услышав крики, возгласы, стуки, лязг, брань. Ну и что? Приехавшая милиция опросила свидетелей и сочла, что конфликт «произошел в рабочем режиме» и «не повлек за собой нарушения общественного порядка». А главврач на следующий день объявил Абубакировой новый выговор за то, что она «нарушила дисциплину труда, не использовала рабочее время для производственного труда, вела себя недостойно и своим поведением дезорганизовала работу коллектива ММУ ГССМП».

И вот 26 марта 2004 года все же грянул митинг, на котором, увы, вместо двухсот запланированных было всего лишь около сорока участников, если не считать зевак, журналистов и милиционеров. Что-то невнятное, но грозное доносилось из дурно работающего мегафона, что-то в очередной раз втолковывали революционеры скучающим журналистам. Из окна второго этажа молча смотрели на редкую толпу бунтующих главврач Архипов и председатель городского комитета здравоохранения Александр Викторович Михайлов. Митинг провалился.

— Да его и не надо было проводить, раз он был так плохо подготовлен. Я ведь ребятам говорил, что митинг — это не цель, а способ обратиться на себя самое серьезное внимание властей придерживающихся, — сказал мне Григорий Ахтырко. — Мы вообще-то планировали отменить митинг за три дня до назначенной даты, но ребята вошли в раж и удержать их было невозможно. Вот они и скисли после этой неудачи, хотя я им с самого начала говорил, что война за свои права — дело долгое, нудное, медленное, неблагодарное. На днях в суде будет рассматриваться их апелляция, но я туда уже не пойду, они расторгли договор со мной, и я им больше не помощник. И вообще, выиграть можно, только защищая закон, а не собственную шкуру. А здесь — главврача гордыня обуяла, а мужиков — корысть.

Финита ля трагедия

Айгюль Абубакирова до сих пор борется за свое восстановление на «скорой», хотя, по негласным сведениям, уже нашла себе работу в хорошей фирме. Шофер Пушкин, которого в разгар всех этих событий главврач Архипов обвинил в том, что тот не выехал на вызов к больному ребенку, уволился и теперь работает на «маршрутке», где, говорят, получает раза в полтора — два больше, чем на «скорой». Шофер Дружинин остался, ему нужно дорабатывать до пенсии. Над заводилой Горбачем висит уголовное дело за «умышленное увеличение пробега машины на 490 км на сумму 940 руб.», он сейчас отстранен от работы и тоже решил уходить со «скорой», хотя доказать его вину практически невозможно.

— А настоящей жизни я, считайте, так и не видел никогда, — сказал мне Горбач, когда мы сидели с ним на грязноватом городском бульваре, где поодаль резвилась и распивала пиво веселая саратовская молодежь. — После армии на «скорую» пришел, хотя мне и в такси предлагали работать, и в милиции. Двадцать лет здесь отпахал, машину только-только отгладил, с которой меня потом

сняли и посадили на дришпак-развалюху, запчасти за свои покупал, дневал и ночевал в гараже, жена к работе ревновала, никогда, говорит, тебя дома нету.

Горбач умен. Горбач вообще прирожденный вожак, именно он, когда не было автогражданки, создал на предприятии приватную кассу взаимопомощи для защиты от саратовских «гоблинов», владельцев подержанных иномарок, которые устраивали подставы простым водителям, а потом обдирали их как липку. Вот ему бы и стать профсоюзным лидером, а не требовать в мегафон, чтоб противного чинушу Архипова в одночасье скинули с должности, как будто в «скорой», где износ автотранспорта составляет 54 процентов, от этого денег прибавится, — подумал я.

— А я за эту должность не держусь, — сказал мне вдруг Архипов, когда мы беседовали с ним в его кабинете. — Я и пришел-то сюда потому, что меня хорошенько попросили. Кому эта расстрельная должность нужна при нашей-то бедности? Пришел, чтоб дело делать, и делаю его, как могу.

Он помолчал и неожиданно добавил:

— Вы не поверите, но сейчас я даже благодарен всей этой истории и настырному Григорию Ахтырко. Во-первых, она привлекла внимание к нашим бедам; во-вторых, меня на сегодняшний день проверяли уже 31 раз, и я все законы изучил «от» и «до», меня теперь демагогией и гольми руками не возьмешь; ну а в третьих — что-то медленно, но все же сдвигается в лучшую сторону. Покупаем новые машины, аппаратуру, персонал одели в нарядную униформу, ремонт помещения затеяли, выставки устраиваем, концерты.

И я подумал, что только в этом и есть, пожалуй, польза от всей этой грязной, нелепой и противоречивой истории, когда с помощью правозащитников, на грани фолы, со скандалом, демагогией, истерикой, обоюдным лукавством и однозначной несправедливостью проблемы медленно, ужасно медленно, несправедливо, со скрипом, но все же как-то решаются, вернее — имеют тенденцию решаться. И начальство, обжегшись на молоке, теперь будет дуть на воду, помня этот русский бунт и пытаясь по мере сил как-никак, а все же соблюдать существующие законы.

— Нет, не созрели мы еще, не созрели для борьбы, мы ж темные, нужно было все как-то по-другому организовать. А так — мы для них по-прежнему быдло и козлы. Обидно! — сказал мне напоследок Сергей Горбач и вытер рукавом джинсухи натуральные слезы, столь чуждо смотревшиеся на загорелом, обветренном лице этого здорового парня, который, как и все остальные участники бурных событий, хотел одного — справедливости и достойных условий человеческого существования. Естественно, что «революция шоферов» вскоре будет забыта, ведь такие малые революции перманентно закипают в самых разных городах и всяех нашей все еще обильной родины как реакция на творящийся повсюду беспредел, и внимание публики вызывают лишь на короткое время. Да и какое нам, собственно, дело, дорогие господа-товарищи, до нищенских страстей в пределах отдельно взятой провинциальной «скорой помощи», когда забудораженное высшее общество во главе с ведущими телевизионными каналами увлечено теперь новыми, гораздо более интересными сюжетами, ведь чего-чего, а сюжетов в нашей стране хватает. Революция закончена. Забудьте!